

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Инеес Хазанская

Эта статья посвящена событию, участниками или, по меньшей мере, современниками которого мы, практически, были все.

Прошло 60 лет со дня победы над нацистами. Многие кануло «в лету», а многое сохранилось в памяти, благодаря таким факторам, как зажигательная публицистика Ильи Эренбурга, военные статьи и романы Константина Симонова, волнующий, неповторимый голос Юрия Левитана и, конечно, в огромной степени, благодаря кинохронике, кинодокументалистике.

Ведь, буквально, через два дня после начала войны московские и белорусские кинохроникеры были уже на передовой и в тылу врага. Это была самая оперативная кинозапись. Ни одно крупное сражение на Западном направлении, а позже – ни один многочисленный партизанский отряд не оставались без внимания кинохроникеров. Это были они, белорусские операторы (М.Беров, И.Вейнерович, В.Цеслюк) и кинохроникеры ЦСДФ (Р.Кармен, Вл. Цитрон, любимец публики Абба Кричевский и другие) с кинокамерами «Конвас» весом с сегодняшний телевизор средней величины и с аккумуляторами, вероятно, «сработанными еще рабами Рима», по тяжести равными 3-4 сегодняшним кинокамерам, да еще с бобинами пленок... Чаще всего работали без ассистентов: для них в боевых самолетах, на которых забрасывали операторов на фронт, просто не было места. Сегодня даже представить себе нельзя, как они справлялись. Ведь, в лучшем случае, какой-нибудь сельский парнишка, «защикауляны дядькай з цудоуным, вялизным хвотаапаратам, згаджауся дапамагчы им».

Хочу отдельно вспомнить выдающуюся женщину, которая в истории кино так и осталась фронтовым оператором, ибо в мирное время ей, увы, работать не пришлось. Это москвичка Маша Сухова. Она погибла, снимая бой на самой передовой линии фронта. Она лежала уже мертвая, как рассказывали потом санитары, подобранные ее, а камера, так и не выключенная, продолжала работать.

С гордостью могу сказать, что, если не 50, то, во всяком случае, 40% всего отснятого материала в самом начале войны было сделано минскими операторами. Шла война, фашисты бесчинствовали на земле Белоруссии, а военная хроника с маркой «Беларусьфільм», проявленная, смонтированная и озвученная в Москве, выходила на экраны страны под своим родным названием «Савецкая Беларусь».

Через много-много лет Роман Кармен, работая над фильмом «Великая Отечественная война», естественно, использовал материалы всех фронтовых операторов, фильмотеку военных лет, – это был и остается золотой кинофонд.

Я думаю, что тот, кто видел фильм Р.Кармена, не мог остаться равнодушным, несмотря на совершенно разноречивую прессу. Он смотрится на одном дыхании, с волнением и слезами. Фильм без единого игрового эпизода держит зрителя в огромном напряжении от начала до конца. В основу его легла та хроника – снятая «немыми» конвасами. Очень печально, но синхронные камеры тех времен требовали и тонвагены, и лихтвагены, и еще десяток работников по обслуживанию этих машин. Но тогда такой возможности не было, о чем можно только сожалеть.

После этого фильма Роман Лазаревич стал главной личностью в документальном кинематографе. Оператор, потом режиссер-оператор, а затем только режиссер, – он являл собой удивительный сплав таланта, ума, непримиримости, такта и доброты. Работавшие с ним говорили, что каждый день шли на студию, как на праздник. Встречалась с ним несколько раз в наших домах творчества – Репино и Болшево, но, к сожалению, не в работе. Однажды мы были на семинаре в Репино, где Роман Лазаревич присутствовал, естественно, не как слушатель, а как мэтр и лектор. Досадно, что меня многие темы вообще не касались. Но в свободное время мне посчастливилось ходить с ним в Комарово, на кладбище. Как он говорил, «в хорошую компанию». Многие знают это место. Кармен так интересно рассказывал о тех, кто уже навеки поселился там... Об Анне Ахматовой, Натане Альтмане, Ефремове и других. По сей день жалею, что, возвращаясь с этих прогулок, не записывала его рассказов, надеясь на свою память. Но что поделаешь... Мы о многом жалеем... Когда молоды, не думаем, что память уходит раньше нас.

Я не отошла от темы, рассказав немного о Кармене, ибо лучшее, что было создано языком кинохроники о советских воинах в Великой Отечественной войне, принадлежало, безусловно, ему – Роману Лазаревичу Кармену.

США купили фильм «Великая Отечественная война» и распорядились им, как хотели. Во-первых, его перемонтировали, во-вторых, сделали очень много купюр. В результате фильм, вышедший здесь под названием «Эта непонятная война» (в другом переводе – «Эта странная война»), рассказывал, практически, только о втором фронте. Не случайно американские школьники, если что-то и знают о Второй мировой войне, так только то, что нацизм победили союзники (читай: «американцы»). Вот так-то! А жаль, что ребята практически ничего не знают о войне, на которой воевали и погибали их деды.

Надеюсь, всем знакомо имя – Михаил Ромм, так же, как и его фильмы: «Пышка», «Тринадцатый», «Мечта», «9 дней одного года», «Адмирал Ушаков», три фильма о Ленине («Ленин в Октябре», а через два года, по специальному заданию, «Ленин в 1918 году», «Живой Ленин») и др. Он по заслугам, бесспорно, считался одним из лучших кинорежиссеров игрового кино. Но вот по всем студиям прокатилась вест сенсационная: «Ромм берется за документальную полнометражную ленту». Речь идет об «Обыкновенном фашизме». Это была невероятно трудная работа. В нее частично вошли съемки советской кинохроники, но их было очень мало. В основном, это были архивы немецкой фильмотеки и немецкая хроника. Страна-победитель должна была покупать у страны побежденной каждый метр пленки. А измерялся этот материал километрами. Все монтажные столы и мовиолы были заняты этой пленкой. Все просмотровые залы крутили войну. У Ромма работали более 50-ти ассистентов высшей категории, не считая вгиковцев. Трудились десятки администраторов всех рангов. Были привлечены к созданию картины библиотекари, архивариусы, сотрудники научно-исследовательских институтов истории и, разумеется, работники фильмотек. Следовало изучить огромное количество документов. Для меня по сей день загадка века: почему господа ученые не писали диссертаций по материалам этого фильма. Все попытки найти что-либо в Интернете, все мои хождения по библиотекам (публичным и университетским) большого Бостона оказались тщетными. В научном плане ничего на тему военной кинодокументалистики нет.

В процессе своего титанического труда над «Фашизмом» Ромм столкнулся с очень интересными эпизодами, связанными с письмами, написанными гитлеровцами своим родным в тыл. На этих материалах он создал фильм-обвинение под названием «Неотправленные письма». В результате совершенно блистательного режиссерского контрапункта: схлестывания кадров зверств, убийств, насилия, пыток – с елейными, сюсюкающими строчками писем – это Великое кино обрело невероятную силу. Однако фильм «Неотправленные письма», в угоду «родного» Госкино, прошел в тени «Обыкновенного фашизма». Потому что «умные» финансисты подсчитали, что фильм может быть сделан в очень короткие сроки и дешево, если использовать только оставшуюся фильмотеку. Но Михаил Ромм не был тем режиссером, который соглашался идти на уступки и финансовые уловки, не стал «лепить картинку» из остатков. Он сделал серьезное кинополотно, но со значительным опозданием, за что прокат и отомстил, дав очень короткие сроки демонстрации. И даже пресса фактически не смогла осветить его по достоинству. Уверена, что почти каждый «Фашизм» посмотрел, «Письма» – нет.

Я уже упоминала, что диссертаций не было, а вот трактаты по вопросу освещения войны были, и немало. Особенно – в период перестройки. Кое-кто склонялся к мысли, что массовая пропаганда была предвзятой. Досталось и кинематографу. Дескать, снимали и показывали только героические эпизоды и сюжеты, а «черные»: поражения, отступление, массовое истребление советских войск (например, на Малой Земле), штрафные подразделения – остались за кадром. Да, это правда! Но представьте себе, что было бы в тылу, да и на фронте, куда возили киножурналы и передвижки, в случае проката таких съемок. Мне кажется, что, когда наши войска отступали (значительно быстрее, чем потом наступали), это было бы не лучшим средством для поднятия духа. А что касается критики, так критиковать легче, чем создавать... Снималась *правда, но не вся*. Лжи не было в кинодокументалистике, но умалчивание – было. И еще было восстановление фактов. Вообще-то это не рекомендуется, но в отдельных случаях допускается. Приведу только два примера. Многие видели эпизод, когда с Дома правительства в Минске сбрасывают свастику. Очень впечатляющее зрелище. А было это 3-го июня 1944 года – в День освобождения Минска (теперь празднуется как День освобождения Белоруссии). Так случилось, что оператор шел нога в ногу с первыми боевыми подразделениями, вступившими в Минск. Главная улица, Советская, где находился и сейчас стоит Дом правительства, была забаррикадирована, и войска прошли по параллельной. Партизаны же и еще какие-то отряды обошли это место дворами и бывшими застройками. Ведь к тому времени Минск представлял собой сплошную груду развалин, а вот три четверти Дома правительства стояли невредимые. И кто-то проявил инициативу и срубил канаты, державшие свастику. (Через пять лет после войны человек сто, если не больше, приписывали этот подвиг себе). И когда оператор Михаил Семенович Беров, упомянутый выше, добрался до дома правительства и увидел, что свастика срублена, он, не помню, какой властью, заставил поднять свастику наверх, чтобы снять ее падение. Представляете, что было с людьми, когда после такого ликования эту штуку возвращали на прежнее место?

О втором примере восстановления факта знают многие: кто-то вспоминал об этом в своих мемуарах. Снимали Сталина на трибуне во время парада 7 ноября 1941 года. Съемка была синхронная. Эту пленку срочно сдали в обработку. И ее испортили –

такое бывает. Каким-то образом удалось все объяснить Сталину, и он согласился на пересъемку, но, конечно, в павильоне. Вы помните: пар не шел изо рта вождя...

Хочу рассказать об одном документальном фильме и об истории его создания. Как-то я познакомилась в Минске с Героем Советского Союза, полковником Вайнрубом. Его родной брат, генерал, тоже Герой Советского Союза, жил и работал в Киеве. Оба – уроженцы Белоруссии. За спиной братьев – немало боевых подвигов: звание Героя, да еще евреям, так просто не давали. Я обрадовалась и предложила Председателю Госкино Белоруссии Владимиру Матвееву сделать фильм об этих людях. Мы с Матвеевым были однокурсниками на журфаке и сохранили товарищеские отношения. Услышав только фамилию, он встрепенулся: «Ты что?! Меня шуганут, и тебе на орехи достанется! Что, неевреев Героев нет? Тема хорошая – семья Героев – но ищи белорусов».

Прошло какое-то время, и по совету гомельского журналиста Григория Разинского я разыскала в архивах историю трех братьев Лизюковых – уроженцев Белоруссии. Один из них до войны жил в Гомеле, двое других – в России. Однако они тоже не были белорусами. Но русские для Госкино Белоруссии все равно оказались своими. И фильм по моему сценарию был запущен в производство. В картине речь шла о трех братьях. Александр Лизюков был Командующим 5-й танковой армии. Он погиб под Воронежем, и звание Героя ему было присвоено посмертно. Саратовское танковое училище носит его имя. Второй брат – Петр – погиб под Кенигсбергом. За славные боевые подвиги он тоже был награжден Золотой Звездой и Орденом Ленина. Сейчас по северным морям ходит теплоход «Петр Лизюков». Третий брат – Евгений – на родной Гомельщине был партизанским командиром. Его отряд, как один из лучших, был удостоен чести участвовать в празднике освобождения Минска. По дороге, в лесу, отряд был атакован большой группой гитлеровцев. Бой был неравный: у партизан в руках – знамена и винтовки, у врагов – гранаты и пулеметы. Евгений погиб в первые минуты сражения. От отряда остались только три тяжело раненных бойца. И все-таки партизанам удалось сократить численность врагов. Но в Минск они не дошли. Евгений Лизюков был посмертно награжден Орденом Красной Звезды... А в Гомеле осталась его вдова и двое малышей. В тяжелой борьбе с райисполкомом за какое-либо приемлемое для жизни жилье она скончалась от инфаркта, а детей отправили в детский дом. Но в какой именно – никто из «доблестных» райисполкомовцев к тому времени, когда я занималась поиском ребят, не знал. Документы – очень странным образом – не сохранились. А ведь произошло это в стране, провозгласившей лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто». И «высоким» гостям Гомеля начальство всегда показывает улицу под названием «Братья Лизюковы». Фильм под названием «Солдаты Лизюковы» вышел в начале 70-х годов и получил много похвальных отзывов. Но построена картина была практически только на сухих документах, фотографиях и лишь на одном воспоминании современника. А рассказ о Героях Вайнрубах был бы более эмоциональным. Оба, слава Богу, остались живыми; они могли бы рассказать много интересного. Оба после войны активно работали. Но вот, беда-то какая, угораздило их родиться евреями, т.е. «вторым сортом». И тот факт, что этих «второсортников» все-таки много: и Героев войны, и других заслуженных деятелей, кто принес большую славу в науку, искусство, спорт страны, – говорит сам по себе.